

БЫЛИ ДУШНЫЕ, ГРОЗОВЫЕ ДНИ, полные странного напряжения. Они разрядились бурными наступлениями на фронтах, грозами в Ленинграде, взрывами в ставке Гитлера.

Мне не сидится, и я иду пешком в голубой палевый вечер, через Неву. У меня мелькнула мысль пойти поклониться в городе, который мы отстояли, который вновь начинает блистать, пушкинским местам. Хочешь, я с тобой пойду к дому, где жила раньше реальная Татьяна? Идем!

Обернись, и через Фонтанку увидишь дом № 185. Он перестроен, но старинные черные лестницы остались. Сюда по утрам навеселе приходил А. С. Пушкин домой. Это была юная послепетлицейская пора с беседами, театрами, вином, любовью и увлечением вольностью. По субботам и воскресеньям Александр Сергеевич ходил в церковь Покрова, где и увидел красавицу — дочь генерала Буткевича, выданную за 70-летнего графа Стройновского. Так зародился образ Татьяны. Дом носит следы осады. Темно. не отступил, мсь друг!

Пройдем к дому № 101. Это дом Оленина, тонкого эстета, барина, затейника. Как-то весной 1819 года тут был бал. Молодежь играла в фанты. Двдцатилетний Пушкин вдруг увидел в дверях даму ослепительной красоты. Это была Аннет Керн. Пушкин был зачарован. Спустя несколько лет он встретил ее в псковской деревне. И там родились чудные стихи:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...

Выйдем на Неву. Вот дом № 32 по набережной. Здесь была огромная, а 20 или 30 комнат квартира Пушкина, когда он жил с Натальей. Второй этаж. Сохранился фасад. Следы бомб...

Гуляя по набережной, поэт видел Петропавловскую крепость. Там — на Кронверке — повесили его друзей-декабристов. Муравьеву-Апостолу отец, старый дипломат, перед смертью предложил сменить забрызганный на Сенатской площади кровавый мундир. «Не нужно. Умру с пятнами крови, пролитой за отечество».

Задумчиво стоят громады былой столицы. Окна затемнены. Ветер с моря. Мы продолжаем идти, иногда обмениваясь дружескими репликами. Мы сберегли, мой друг, все нетронутым — ничто не осквернено здесь прикосновением гитлеровцев... Пусть они так вечно и стоят, эти дома. Мы все сберегли. Мы были верными России и городу!

...Вот в переулке у Гороховой домики сестры Пушкина. Здесь собирались Глинка, Жуковский, Мицкевич, Дельвиг, бывала Керн. Здесь умерла и няня Пушкина —

Арина Родионовна. Как тут тихо теперь.

В этом городе мне знаком каждый камень, — душа сжимается при виде иных перекрестков, витрин, перспектив. Каждый нерв, каждая клетка тела связаны с городом, с этим неповторимым Невским.

Вот дом, где я вырос — у меня нет сил войти во двор, в сад. Тут все умерло, вымерло, — тут только воспоминания. Я иду мед-

А из окон, еще не закрытых бесчеловечными людьми, бьет яркий свет, — люди будто требуют жизни, света, победы!

Вот здесь я жил в 1923 году и начинал разбираться в потоке впечатлений войн, нэпа и т. д. Темный подъезд. Мне кажется, что там, на 3-м этаже до сих пор во тьме слышен стук моего сердца. Я очень долго там ждал. И сердце билось от каждого шороха в назначенные часы. Я ждал одиноко...

Из материалов, подготовленных для книги «КОГДА ПУШКИ ГРЕМЕЛИ...»

ЭТИ СТРОКИ написаны Всеволодом Вишневским в военном Ленинграде Позади страшные 900 дней блокады, смерть тысяч людей, голод, напряжение всех сил. Фронт стремительно и неудержимо движется на Запад. Залпы орудий еще год будут сотрясать Европу. Но сквозь пепелища, символы огня и гора войны видит Вишневский будущее — мирное, светлое будущее за которое он сражался. Будущее, веру в которое не смогли сломить в нем никакие испытания.

Своими размышлениями он делится с литератором Марией Ангарской. Письмо публикуется впервые в сокращенном виде; полностью оно будет напечатано в выходящей в нынешнем году книге «Когда пушки гремели...», подготовленной редакцией газеты «Советская культура» совместно с издательством «Искусство».

Вс. Вишневский:

МЫ БЫЛИ ВЕРНЫМИ РОССИИ

ленно, сжимая зубы, и сумерки сгущаются все больше и больше. Идут трамваи — с теми же огнями и с тем же характерным пиретерским звоном. Пронесются машины. Раскрыты ворота домов, но мне не к кому зайти. Меня охватывает невыразимая тоска, обостряемая вечерней жизнью улицы. Висят афиши «У стен Ленинграда» — моя пьеса. В сторону Невы — светлые пятна догорающей зари, обещание белых ночей. Я иду, пронизанный воспоминаниями, иду, как сквозь строй: вот тут в тебя стреляли; тут ты уходил на войну, и из раскрытых окон (их нет — фанера) летели цветы; вот тут ты брел, вернувшись спустя семь лет, с палкой, одинокий, как никогда. Вот тут ты поджидал кого-то; вот тут ты мчался, торопясь к пристани в море; вот тут неистовствовал, вступая в литературные битвы 30-х годов. Я не в силах все перечислять, вспоминать... В сумерках я вижу мысленно огни города, они сверкают, бегут вверх и вниз, зовут, будоражат...

Я поворачиваюсь и иду обратно. В ушах цокот копыт пролетающих рысак. Синие сетки — это Блок мчится сквозь вьюгу с высокой черной женщиной с глазами крылатыми. Он «вновь вдыхает не любя забытый сон о поцелуях»: Часовые в медных касках берут на караул. Идут двенадцать красногвардейцев — и перед ними в белом венчике из роз — сам Исус Христос. Идут матросы... Улыбается мне отец и благословляет: «Иди, Воля!». Я ухожу в эту вьюжную зиму 1917—1918 на просторы России: «Смерть контрреволюции!».

Бреду по Невскому медленно. Меня охватывает глухое, нервное, вечернее чувство улицы. Я вступаю впервые за годы, по старым своим следам, узнаю бесплодные ожидания, серую умеренную беспредметную тоску. Я чувствую себя отброшенным куда-то в прошлое.

...А нынче по тротуару медленно идет капитан 2-го ранга, отвечаю-

щий на приветствия. Его воспоминания не касаются ни одного из прохожих. Прохожие потом — через годы — будут читать о том, что было и бывает в этом большом городе.

Глухо в окнах бывших ресторанов. Еще не выросли лозы, которые дадут вино для будущих пиршеств. Еще не отлиты грубы, которые будут здесь греметь. Еще не выросли те женщины, которые будут тут блистать, ослеплять и сводить с ума мужчин шестидесятих годов, когда город — великий порт России — будет жить широко и на грудях людей будут сверкать медали «За оборону Ленинграда».

...Я медленно бреду мимо черного, выжженного Гостиного двора. Я вижу вереницы машин, которые подойдут с вокзалов и порта. Я вижу зеркальные витрины; я вижу запас лаковых красок, обояны, запас шелковых материй, ящиков парфюмерии. Россия стала так требовательна, так богата. Толпа гудит, теснится, торопится, переливается. Сегодня премьера на Невском, вы не знаете? В садах лива пронизана электричеством. Белеют статуи Летнего сада. На Неве непрерывное движение илиминированных катеров и яхт. На магистральные шоссе вылетают потоки машин: и Пушкину, Гатчине, Петергофу, Выборгу. Кронштадт взмахивает лапами десятков проекторов. Что за праздник? Почему праздник? Всего-навсего суббота! Русские так широки, особенно после победы.

Прогулка окончена. За мостом я чувствую себя уже вне тревог, безумств, фантазий, соблазнов Невского. Висят мачты; шипит пар. Но, боже! На набережной под поворотной морак целует девушку в серой шинели. Черт! Впрочем, я делал тут в 18-м году то же самое.

Я шагаю в сгустившихся сумерках. Едва виден новый мост, и с синими огнями медленно поднимается на него трамвай № 18. Молчаливо стоят дворцы, зияют темные провалы окон.

Открываю нужную дверь. Встают дежурные. В вестибюле старинная мебель, бронза, зеркала. Я у тихой пристани. Мне бы только бумага и чернил, тишины немножко, и писать, писать...

Я живу страстным, безмерным желанием видеть жизнь умротворенной, здоровой, красивой. Я хочу видеть, осязать, ощущать покой, красу природы, дышать запахом моря, гор, лесов, полей. Все впереди будет подчинено упорному духовному развитию и подъему, новым творениям, новым открытиям, новому самоутверждению и очищению. Всепобеждающая жизнь!

ЛЕНИНГРАД,
июль, 1944 г.